

Рамникова Дарья

Родная

16+

Дарья Ратникова

Родная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ратникова Д.

Родная / Д. Ратникова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Тринадцать лет над его жизнью властвовала война. Он искал покоя или отдыха, но судьба не давала ему шанса. Пока не появилась упрямая девчонка, та которой предстояло стать его смыслом и жизнью через несколько лет. Вот только у судьбы иногда странно чувство юмора.

Содержание

ЧАСТЬ 1. Чужой дом.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дарья Ратникова Родная

Наталья (лат.) – родная

ЧАСТЬ 1. Чужой дом.

I

Ишмак шёл по лесной тропинке тёмным холодным вечером. Моросил мелкий весенний дождик, небо затянуло серыми тучами, а он, наконец-то, вынужден был признаться самому себе, что заблудился. Видимо, свернул не на ту тропку, когда начало темнеть. Вообще, он рассчитывал попасть в Рогод засветло, но теперь ничего не поделаешь – придётся ночевать в лесу. Если повезёт и он, наконец, выберется отсюда, то, может, и в какой-нибудь деревне. Если же нет, то надо будет искать сухое место где-нибудь под ёлкой.

Он шёл молча, мяся ногами прелые прошлогодние листья и подтаявший снег. Вот так же когда-то давно, только в осеннюю грязь он уходил в поход против сердов. Знать бы ему тогда, чем он закончится... Сколько он обрёл и как много потерял. Тринадцать лет прошло, а он всё не может забыть...

Ишмак вздохнул и поднял голову. Между деревьями мелькнул слабый свет. «Может быть там, деревня?» – подумал он и ускорил шаг. И правда, вскоре он вышел к небольшому поселению. Он не знал названия, не знал, где находится сам, но надо было где-то ночевать, и он решительно постучался в один из домов.

На стук ему открыл мужчина. Осмотрев его, он тут же захлопнул дверь. Но за этот короткий миг ошеломлённый Ишмак успел его рассмотреть. Это был серд! Значит, он случайно перешёл границу. И вместо Рогода, в который он отправился в этот раз другой дорогой, попал в Сердию. Ишмак не знал, что граница так близко. Хотя, вспомнил он, в Рогоде стояли воины всегда, когда он приезжал туда. Оказывается, они охраняли границу.

Но что же ему делать? Может быть кто-нибудь пустит его переночевать? Нет, вряд ли. Бара, да к тому же мужчину и накануне войны. Но всё же, пройдя ещё чуть-чуть, Ишмак, открыв калитку, постучал в дверь одного из домов. На стук открыла женщина. Уже немолодая, она выглядела ещё старше из-за морщин, которые говорили о тяготах горя и одиночества, перенесённых ею.

– Да? – полувопросительно, полувывидательно сказала она.

– Не могли бы Вы пустить меня переночевать? Я очень устал и, кажется, заблудился. Что это за деревня?

– Распутье. А куда же Вы направлялись в такую погоду? – Недоверчиво спросила женщина. Видимо она ещё не успела разглядеть, что он бар.

– Я шёл в Рагод – это в Барии.

– Так Вы бар! Понятно... – женщина вздохнула, наконец рассмотрев его. Ишмак подумал, что вот сейчас его точно прогонят. И когда последовало приглашение войти, он оробел, не ожидая его.

II

Через полчаса он сидел в уютной кухоньке у печи и пил горячий чай, благодаря Создателя и Ирину Григорьевну (ту женщину, что открыла ему). Она же устроилась напротив и внимательно рассматривала его.

Ишмак не был красив, даже по меркам баров, а уж для сердов тем более, однако была в нём какая-то иная красота, внутренняя. Он выглядел, пожалуй, как и все бары: рыжие волосы собраны в хвост; зелёные глаза, тёмная кожа. Лицо худое с тонкими губами и нос с горбинкой. Не самая лучшая, конечно, картина. Однако он казался существом из другого мира благодаря какому-то неземному благородству, а ещё усталости, которые отражались, как в зеркале, на его лице. И, несмотря на тёмную кожу, он был очень бледен. А появлявшаяся иногда на его губах улыбка делала его по-своему красивым и даже одухотворённым, словно светившимся иным светом.

– Вы в Распутье впервые? – спросила Ирина Григорьевна, прерывая затянувшееся молчание.

– Да. – Ишмак мучительно пытался вспомнить, откуда ему знакомо название «Распутье». Да. Это было тринадцать лет назад.

«Моя жена и сын живут в Распутье, на границе Барии и Сердии, – эхом в голове отдалось слова Арсения, – Дышаковы их фамилия».

– А Вы не знаете Дышаковых? – спросил он у Ирины Григорьевны и не удивился, услышав ответ: он ожидал его.

– Я – Ирина Дышакова. А кто Вам нужен?

Ну как ей сказать, кем её муж был для него?

– Я знал Вашего мужа, я знал Арсения, – уже тише повторил он.

В комнате повисла неловкая тишина.

– Что Вы знаете о нём? – нарушила молчание Ирина Григорьевна. – И откуда?

– Он был моим другом. Слушайте...

Ему надо было всё это вспомнить и рассказать. Постоянно сбиваясь, перескакивая с одной мысли на другую, он всё-таки рассказал Ирине Григорьевне то, что знал.

...Это было в Третью войну. Он тогда находился в одном из отрядов баров и сражался вместе с ним против сердов. И вместе со своим же отрядом попал в плен к Саше. Саша тогда командовал где-то четвертью армии сердов – должность весьма почётная... Их поселили к воинам под охрану. Его с Марекком – к Арсению. Так они и познакомились. Потом сдружились. Когда на Сашину армию напали, Ишмак не знал, на какой ему быть стороне. Но всё разрешилось без его участия. Сашина армия была разбита. Арсения и ещё нескольких «непокорных» Дарк (военачальник баров) приговорил к смерти. Арсения пытали, в надежде узнать местонахождение чертежей смертельно опасного оружия, но тот ничего не сказал. Его казнили, а он, Ишмак, стоял и смотрел, будучи не в силах ничем помочь. А потом была эта отвратительная комедия Дарка с чистыми листами, которая ему почти на сто процентов удалась. И вот он изгой, и Дарк следит за каждым его шагом...

Он закончил. Ирина Григорьевна сидела, уронив голову на руки. Наверное, она плакала. Он смущённо отвернулся. Через какое-то время она успокоилась и продолжила разговор.

– Я Вам верю. Мне хочется Вам верить. Но было ли всё так, как Вы рассказываете – это вопрос, ведь я о Вас много слышала и только плохое.

– Я понимаю, – сказал Ишмак. Он видел, что измученной болью душе Ирины Григорьевны хочется верить его рассказу. И он вытащил из внутреннего кармана на груди медальон в виде сердца и кольцо, похоже на обручальное и положил их на стол. – Вот подтверждение моим словам, если можно так сказать. Узнаёте? – Он обернулся к Ирине Григорьевне. Она с изумлением и радостью смотрела на эти вещи, как на что-то очень ценное.

Наконец, она заговорила, и голос её дрожал.

– Значит Вы и правда были его другом. Я возьму их?

– Конечно. Берите. Они Ваши по праву.

Ему было очень тяжело расставаться с вещами Арсения. Наверное, Ирина Григорьевна это поняла.

– Возьмите себе что-нибудь на память о нём, – предложила она.

– Если позволите, я возьму этот медальон.

Ирина Григорьевна открыла его. На неё смотрели два миниатюрных портрета – она молодая и молодой Арсений. А над ними переплетённые лежали их волосы. Какие они были тогда молодые и счастливые... Как это было давно...

– Вы открывали его? – Спросила она.

– Давно, после самой его смерти.

– И Вы не узнали меня?

– Поначалу нет. Хотя потом мне показалось, что я Вас где-то уже видел.

– Что ж, возьмите медальон. Это будет лучшая память о нём. У меня есть ещё один такой же. Один был у него, один – у меня. Мы сделали их перед расставанием. – Ирина Григорьевна помолчала немного, пытаясь справиться с собой, а потом добавила. – Я вижу, чувствую, что Вы действительно были ему другом... А сейчас – спать. Мой сын пока в отъезде, будете спать в его комнате.

Ишмак с удовольствием согласился. Он устал, а завтра его ждала долгая дорога – в Рогод и обратно домой. Лёжа в постели он долго не мог уснуть, перебирая в голове картины прошедшего дня. Ему было радостно и как-то странно, что всё случилось именно так. Не иначе как Создатель привёл его именно в этот дом, где он встретил ту, кого не ожидал увидеть и вспомнил то, о чём хотел забыть.

III

Утром он проснулся, когда за окном было уже светло, а встав, почувствовал сильную слабость, голова горела огнём.

«Ну вот, только заболеть не хватало», – подумал обречённо Ишмак. Он хотел купить всё, что ему надо в Рогоде, узнать последние новости, навестить Марека и вернуться домой непременно до начала войны. А теперь... Война на пороге, а он болен. Как всё некстати!

В дверь постучали. Вошла Ирина Григорьевна.

– Доброе утро, Ишмак. Пойдёмте завтракать.

Ишмак двинулся было вслед за ней, но, не сделав и двух шагов от кровати, почувствовал, что теряет сознание. Он, казалось, летел в бездну и конца этому не было.

Он очнулся на кровати в какой-то комнате. Воспоминания о случившемся возвращались медленно, слишком медленно. Мысли путались. Наконец, он понял, где он находится. Та же комната, та же кровать. Наверное, он упал на неё, потеряв сознание. Ирина Григорьевна только подоткнула под него одеяло. Интересно, сколько времени прошло, пока он был в беспомощности? Он попытался сесть, но не смог даже поднять голову. Все мышцы ныли, а перед глазами плыли чёрные точки, когда он пытался их открыть.

– Лежи, лежи! Куда ты? – Вдруг услышал Ишмак голос Ирины Григорьевны. Он не знал, давно ли она тут находится, и сколько он уже лежит так без сознания. С трудом открыв глаза, он увидел неясный силуэт рядом с постелью.

– Но как же я пойду? Мне же идти надо! – Он попытался чётко выговорить эти слова, но вырвался только тихий хрип.

– Куда ты пойдёшь в таком состоянии? Лежи! Пока не выздоровеешь, никуда тебя не отпущу. На лучше, выпей! – И Ирина Григорьевна протянула ему что-то обжигающе горячее. Ишмак взял кружку и глотнул – это был чай с малиной. Он вдруг вспомнил тепло маминых рук и вкус малинового варенья и почувствовал, что по щекам текут слёзы. Он отставил кружку и неловко отвернулся.

Эти воспоминания ошеломили его. Ведь ему было, наверное, года три, когда его забрали у матери и поместили в специальную школу будущих воинов, где его никто и никогда не приходил навещать. Он не знал, что стало с матерью. Он никогда её больше не видел.

...Ишмак не заметил, как Ирина Григорьевна тихо ушла, оставив на столе кружку с недопитой малиной. Потом он погрузился в зыбкий болезненный сон, сквозь который он слышал чьи-то шаги и голоса. Очнулся он, лишь когда дверь тихо приоткрылась. Снова вошла Ирина Григорьевна.

– Я принесла тебе питьё и немного еды.

– Спасибо, – прохрипел он.

Она поставила поднос с едой на стол и собралась уходить. Тут Ишмак заметил, что из проёма двери выглядывает любопытное личико.

– Наташа, хватит дурачиться! – Резко сказала Ирина Григорьевна, перехватив взгляд Ишмака.

Тут же на пороге комнаты появилась девочка. На вид её было лет двенадцать-тринадцать.

– Моя дочь – Наташа, – сказала Ирина Григорьевна, – Арсений не успел увидеть её.

Девочка настороженно и, вместе с тем, с любопытством рассматривала Ишмака. Она словно хотела что-то сказать, но не решалась. Дождавшись, пока выйдет мать, Наташа тихо выскользнула вслед за ней. И до Ишмака донёлся её смех.

Вот, значит, как! Ишмак был ошеломлён. Оказывается, у Арсения была и дочь, только он уже никогда об этом не узнает.

IV

И вскоре Ишмаку представился случай познакомиться с Наташей. В дверь тихо постучали, и он увидел девочку. На этот раз она пришла одна. Получив разрешение, девочка неловко вошла в комнату и остановилась. Видно было, что её снедало любопытство и вместе с тем она боялась чужого человека.

– Садись, Наташа, – улыбнулся ей Ишмак.

Она села. Пока длилось молчание, он успел рассмотреть её. Девочка, как девочка. Пожалуй, отличало её от остальных девочек этого возраста слишком умное выражение на лице, а ещё какая-то совсем детская открытость. Все мысли и чувства, вспыхивавшие в душе у Наташи, сразу отражались на её лице.

– А... А как Вас зовут? – нарушила вдруг она молчание, преодолев свою робость.

– Ишмак.

– Какое странное имя! Оно барское?

– Да. Правда я не знаю, кто мне его дал, но меня так все называли, сколько я себя помню.

– Как это – не знаете? – уже осмелев спросила Наташа, – Разве Вам не мама его дала?

– Нет. Свою маму я почти не помню. В три года меня забрали в школу воинов, и я её больше никогда не видел. – Ишмак замолчал.

– А что Вы там в этой школе делали? – спросила Наташа, беспокойно вертясь на стуле. Ишмак видел, что ей было интересно.

– Нас учили немного писать, читать и считать. Но больше – воевать. С детства мы должны были уметь обращаться с оружием. Никаких игр – только тренировки и тренировки. Потом в тринадцать лет нам давали личного наставника, который в зависимости от возможностей каждого, обучал нас дополнительным премудростям. Моего наставника звали Дарк...

– Дарк?! – восторженно воскликнула Наташа, – Это тот, что сейчас управляет войсками баров?

– Да, тот самый.

– И он Вас учил сражаться, чтобы потом убивать сердов?

– Нас всех этому учили, Наташа. – Мягко сказал Ишмак.

– Но почему? – Она вскочила со стула. – Почему Вы тогда не там, не с ними?

– Потому что после встречи с твоим отцом я многое понял.

– А Вы правда были ему другом? – Расскажите мне про отца, я его совсем не знаю.

– Что тебе сказать? Да, я был ему другом. Я попробую тебе рассказать о нём. Он вообще был лучшим из всех, кого я когда-либо знал. Он научил меня всему, что я сейчас знаю, привил любовь к древним книгам, он помог мне стать таким, какой я сейчас есть. – Ишмак видел, как при этих словах загорелись глаза у Наташи, как появилась в них гордость за отца. Эта девочка – истинно дочь Арсения. Она была умна. Ей нравилось, что он говорил с ней, как со взрослой. Недостаток жизненного опыта ей заменяла интуиция, уже в этом возрасте подсказывавшая что и кому говорить. Они проговорили довольно долго. Ишмак рассказал ей всё, что знал, а в ответ услышал:

– Ну почему люди такие злые? Почему? Зачем надо было убивать моего отца? Зачем вообще нужна была эта война?

Ишмак посмотрел на её беспомощное лицо. Ну как, как он мог объяснить этой девочке – что такое жизнь, и почему в ней случаются предательства? Почему в ней часто нет героев?

Он вздохнул и ответил:

– Это жизнь, Наташа. Это трудно понять.

– Да, Вы правы. Я пока ещё не понимаю жизни и мало о ней знаю. Хотя много читаю. Иногда я сама себе кажусь очень взрослой, а иногда совсем маленькой.

Ишмак улыбнулся этой Наташиной фразе и той важности, с которой она её произнесла.

Было в этой девочке что-то взрослое, хотя жизни она не знала совсем. Наташа была цельная, неиспорченная с доверчивой, открытой душой. Её искренность и пылкость часто смешили, но всегда вызывали тёплое чувство. Она была ребёнком, хотя и пыталась понять взрослых. И в то же время в ней самой было много того, чему можно было поучиться и взрослому.

Конечно всё это он понял и узнал о Наташе не сразу. Но и с первой встречи эта девочка вызвала в нём радость, которую он не испытывал со времени дружбы с Арсением. Ишмак рядом с ней оттаивал душой после многолетних кошмаров одиночества и боли.

V

После первого разговора Наташа стала часто заглядывать к гостю. Ишмак пока ещё не мог вставать с постели, но мог разговаривать. И они разговаривали. Он рассказывал Наташе про свою жизнь, а она слушала, усевшись в кресле у окна. Он открывал перед ней мир, но никогда не акцентировал внимание на жестокости этого мира. Пока достаточно и знания о том, что она есть. Да, в жизни всё не так, как в старинных рассказах или мечтах. Но, чтобы жить, мало рассказов о жизни, нужно самой делать шаги. А Наташа была домашним, «тепличным» ребёнком. И Ирина Григорьевна оберегала её как могла. По её рассказам выходило, что Женя – сын Арсения – был совсем другим. Он весь в отца – решительный, смелый, гордый и честный. Он вырос без особых проблем. А вот с Наташей, жаловалась она, ей приходилось тратить много нервов. Но тем больше она её любила.

Сначала (и Ишмак это замечал), Ирине Григорьевне не нравилось, что Наташа разговаривает с ним. Но постепенно она успокоилась, увидев, как его добрые и насмешливые реплики отрезвляют девочку.

«Её не научишь плохому. К ней не прилипает грязь этого мира. Так что не бойтесь – если бы я говорил что-нибудь плохое, разве она бы общалась со мной?» – как-то сказал Ишмак. И Ирина Григорьевна поверила ему.

VI

В один из дней, когда Ишмак, уже выздоравливая, сидел у окна и с легкой грустью думал о том, что скоро придётся уходить из этого гостеприимного дома, в дверь постучала Наташа.

– Можно?

– Конечно! Входи!

Она вошла, и Ишмак увидел, что она еле сдерживает слёзы.

– Что случилось, Наташа?

– Почему, ну почему они такие? – с дрожью в голосе спросила она.

– Кто они?

– Одноклассники, вообще ребята, девчонки. В школе меня все ненавидят, мама ругает – я никому здесь не нужна.

Ишмак вздохнул. Он очень хотел ей помочь, но не знал, как – он не умел утешать.

– Ну что ты говоришь, Наташа! Ведь мама любит тебя, очень любит. Разве это не главное?

– Не знаю... Может и главное... Но ведь она всё равно не хочет меня понять. Говорит, что я во всём виновата, что я плохая. Конечно, всегда я! – Наташа заплакала навзрыд, но и сквозь слёзы продолжала говорить о своей боли и обиде. – Они сегодня кидали мою сумку, все вещи поломали и испачкали. А всем хоть бы что – только я во всём виновата. Почему они так со мной? За что?

Ишмак помолчал, собираясь с мыслями, а потом предложил, чтобы утешить девочку:

– Наташа, хочешь я расскажу тебе о своей школе и о своём детстве?

– Да, – кивнула она сквозь слёзы.

Только так он мог попытаться её утешить. И Ишмак начал рассказ.

– В нашей школе был прав тот, кто жесток, кто умел и ударить и постоять за себя. И наставники это лишь поощряли. Я в детстве был довольно слабым, не умел отвечать ударом на удар. Поэтому мне всегда доставалось. Но сейчас я благодарю Создателя за то, что было так. Потому что именно тогда я начал понимать, что если мне не нравится, когда меня бьют, то и другим, наверное, тоже. Я испытал боль на себе и не хотел её причинять другим. Там же, в школе, я нашёл себе друга. Он был такой же слабый, как и я и тоже не умел отвечать на удар. Наверное, поэтому мы и подружились. Его звали Марек. Мы с ним были очень разными – как огонь и вода. Я и до сих пор не могу полностью понять его характер. Он был очень скрытным, всё держал в себе и почти ничего мне не рассказывал о себе даже в детстве. После той войны, где я встретил твоего отца, наши с ним пути разошлись. Я больше не видел его.

Наташа слушала Ишмака с интересом, забыв о своих бедах.

«Хвала Создателю, – подумалось Ишмаку, – что она ещё не знает, над чем по-настоящему надо плакать. Жизнь щадила её.»

Когда она ушла, Ишмак вспомнил Арсения. Как вживую встал он перед ним – высокий, красивый, со светлыми короткими волосами и с глубокими глазами, словно отражавшими душу. Разве знал Ишмак тогда, ступая по грязи в промозглый осенний день, что вся его жизнь изменится через какие-то несколько месяцев?

VII

Это был отнюдь не первый, но и не последний разговор с Наташей. Как-то раз он сидел в Жениной комнате, перебирая в голове обрывки своих невесёлых мыслей. Ирина Григорьевна ушла на рынок за покупками. Вдруг в дверь тихонько постучали и показалась Наташа.

– Заходи. – Пригласил он её.

Она прошла и села на стул. Было видно, что она напряжена.

– Что случилось? – спросил Ишмак?

– Там гроза. – Она показала рукой на окно и голос её дрожал.

Ишмак повернулся к окну. Действительно, надвигалась гроза и, судя по всему, сильная. От порыва ветра закачалась старая липа за окном, а в комнате потемнело настолько, что пришлось зажечь свечу.

– Ты боишься грозы? – Она не отвечала, только молча всхлипывала. Её била дрожь. – Посмотри сюда, Наташа! Хочешь, я покажу тебе, что грозы совсем не надо бояться?

Она кивнула и, подняв голову, посмотрела заплаканными глазами на Ишмака. Он подошёл к окну и раскрыл его.

– Накинь одеяло, а то мне твоя мама не простит, если простужу тебя. – Он подал одеяло девочке, а сам погасил свечу.

А гроза разыгралась не на шутку. За окном полыхали молнии, озаряя комнату каким-то сверхъестественным светом. От раскатов грома сотрясаясь дом. А Ишмак стоял у окна и увлечённо рассказывал:

– Посмотри, Наташа, как красива гроза, сколько в ней мощи и свободы. Для меня она была как бы напоминанием о том, что есть такие вещи, которые не подвластны никому, кроме своего Создателя. Что зло не может править вечно. Ещё в школе гроза для меня была символом освобождения, прежде всего от одиночества. Когда за окнами безумствовала буря, я чувствовал своё единство с ней и сознавал, что есть сила больше этой. И что власть Дарка не вечна...

Ишмак замолчал. Наташа больше не плакала и смотрела в окно почти без страха. Он улыбнулся, а после некоторого молчания спросил:

– А ты знаешь историю Мира?

– Ну кое-что нам рассказывали в школе, но не всё.

– Тогда хочешь я расскажу её так, как слышал от твоего отца?

Наташа молча кивнула, украдкой вытирая заплаканное лицо.

– До Катаклизма было несколько материков, – начал Ишмак, – и государств. Они начали кровопролитную войну между собой. Гибли сотни и тысячи, и тысячи тысяч людей. Такой войны ещё не знала история. Потом одно из государств применило какое-то оружие, и случился Катаклизм. После него вся суша, кроме небольшой части на которой мы сейчас живём, ушла под воду. Уцелевшие начали стекаться на неё отовсюду. Долгое время все они жили в мире. Но потом случилось Разделение. Одни из них предпочитали мирную жизнь и увлекались наукой и древними знаниями, сохранившимися после Катаклизма. Другие же любили власть и хотели жить в своё удовольствие за счёт первых. Так образовались два народа – серды и бары. Почему они так себя назвали – трудно сказать – слишком много веков прошло с тех пор. Но, возможно, по именам первых правителей. Наши народы враждовали всегда. Но бары никогда не осмеливались нападать в открытую – сердов было больше, а оружие у них – лучше, благодаря древним знаниям. Но сменилось много поколений. И вот, наконец, правитель Дарк объявил сердам войну. Это было тринадцать лет назад. Он мобилизовал всю страну на борьбу с сердами. Это случилось так давно, но я помню всё, как будто оно происходило вчера. – Совсем тихо добавил Ишмак.

– Вы помните?! Вы участвовали в этой войне! – Изумилась Наташа. Для неё это словно было откровением, хотя Ишмак и не скрывал этого. – Значит вы сражались против нас, против моего отца? Но как же так?!!

Ишмаку стало жалко девочку, когда он увидел, как она пытается понять, как можно было воевать против сердов и одновременно быть другом её отца. В её возрасте всё представлялось только чёрным или белым, другое было невозможно. А он сам... У него уже давно всё смешалось. Он смотрел на Наташу и видел, как в ней боролся интерес к нему и фамильная гордость, последовав которой, она не стала бы с ним больше общаться. Она колебалась и он, пожалев её, решил помочь ей выбрать.

– Наташа, нас заставляли сражаться. Мы были управляемой толпой, без своих интересов и мыслей. Нам приказывали, и мы подчинялись. Да, я поднимал оружие на тех, кого считала тогда врагами, даже убивал. Но за это я уже тринадцать лет расплачиваюсь.

– Я верю вам. – Серьёзно ответила Наташа, помолчав какое-то время. Ишмак не удержался от улыбки, а на душе потеплело. Для него почему-то имело значение мнение этой девочки

– А правда, что до Катаклизма у людей были разные механические вещи, самозажигающийся свет, говорящие корбочки и всё такое? Нам говорили об этом в школе, но мало и совсем вкратце.

– Правда. Но только было ещё и страшное оружие. Попади его чертежи к барам, и они вмиг бы вернулись к прошлому, к тому, что было до Катаклизма и сохранилось теперь только в книгах. Сейчас это всё кажется выдумкой. Но стоит барским учёным только взглянуть на чертежи, которые они столько лет безуспешно искали, и главный секрет не только страшного оружия, но и самозажигающегося света и многих других вещей будет раскрыт. Но приведёт ли это к чему-то хорошему – вот вопрос. Твой отец считал, что нет. Бары извратят всё и используют только во вред. Поэтому он так и не сказал Дарку, где скрыты чертежи. Об этом знал только сам Арсений, а после его смерти – я.

Наташа затаила дыхание, слушая Ишмака. А он, глядя на неё подумал, что ей можно было бы без опаски доверить местонахождение самых ценных чертежей. Она бы сберегла этот секрет. Чего-чего, а предательства от Наташи он мог бы не опасаться – настолько искренна, открыта и правдива она была. Эх. Как бы было хорошо, если бы он смог кому-нибудь передать эту ношу. Но рисковать жизнью Наташи Ишмак не мог. А ведь он устал столько лет хранить

тайну. Да и вообще устал, устал жить. Его жизнь словно была пресна и пуста, в ней не хватало самой жизни. Ему иногда казалось, что для всех жизнь идёт, и лишь для него она словно остановилась, тогда, тринадцать лет назад, в тот день, когда он своими глазами увидел, как вели на плаху его друга. Тогда он просто стоял и смотрел, как слетела с плеч голова Арсения, и ничем не мог ему помочь. Он пытался проникнуть в самую страшную тайну на земле – тайну смерти и понять, как это – был человек, жил, любил, смотрел на небо, на мир и в один миг его не стало. А ведь Ишмак тоже хотел иметь свой дом, семью, уютный уголок, чтобы было, куда возвращаться из далёких странствий.

ЧАСТЬ 2. Марек

I

Уже почти месяц Ишмак жил у Ирины Григорьевны. Она не гнала его, а он всё порывался уйти и никак не мог расстаться с этим гостеприимным домом. Выздоровев, он помогал по хозяйству и так старался, что Ирина Григорьевна часто ловила себя на желании, чтобы Ишмак остался подольше, хотя бы пока не вернётся Женя. К тому же Наташа при баре вела себя совсем по-другому. Она словно стала мягче и взрослее. Ирина Григорьевна видела в этом влияние Ишмака и была благодарна ему. Но видела она и другое – как бар смотрел на Наташу, и как всё чаще при её появлении, возникала у него на лице улыбка. Она была уверена в баре. Но вот Наташа... Не пришло ещё её время. А Ишмак и сам чувствовал что-то смутное, что зарождалось в его душе. Но он не понимал, да и не старался понять, почему ему так нравилась Наташа.

Как-то раз он пришёл и застал её за столом, прилежно пишущую что-то.

– Можно, Наташа? Или ты занята?

– Нет. Нет. Заходите. Я рассказ пишу. Уже почти закончила. Вот только не знаю, как он. Маме даже боюсь показывать – она всё равно не поймёт. Она видит во всём только красоту слога, но я ведь не писатель.

– А о чём рассказ?

– Обо всём. Но, в основном, о дружбе. Знаете, есть такой странный мир, где живут совсем иные люди. Вот про него я и писала.

– Дашь мне почитать? – спросил Ишмак, улыбаясь Наташе и яркому солнцу за окном. Грусть и усталость почти отступили. Может быть, виновата весна?

– Ну хорошо, только не смейтесь, ладно?

– Что ты! Конечно, не буду. – Уверил её Ишмак. И, получив тетрадь, взялся за чтение. Наташа села рядом, и изредка комментировала, поясняя непонятное слово или имя. Скоро он дочитал последнюю страницу и отложил тетрадь.

– Ну как? – Спросила Наташа, с волнением глядя на него.

Ишмак молчал. Он не знал, что ей ответить, чтобы не обидеть. Она ведь так ждала от него именно похвалы. Рассказ был интересным, но немного пустым, неживым, словно не принадлежавшим ей. Ничего, у неё ещё всё впереди. И вместо ответа он спросил:

– А что потом?

– А что потом?

Потом шагнём за окоём.

Тропинка убегает прочь,

Уходит в ночь, глухую ночь,

В безумство тени и огня,

Где звёзды смотрят на меня,

Где люди добротой полны,

И видят сны, прекрасны сны.

Уйти! По тропке убежать.

И жить в любви, и бед не знать.

Не видеть ненависть в глазах,
Усмешку злую на устах,
Не слышать слов, как игл острых,
Не видеть чуждости других...

В том мире жить, страдать, любить.

Жаль этому, увы, не быть! – Вместо ответа продекламировала Наташа.

– Твои стихи? – Спросил Ишмак.

– Конечно! Нравятся?

– Очень! Только слишком уж они грустные. Неужели всё действительно так, как в твоих стихах?

– Не знаю. – Девочка погрустнела. – Мне кажется со мной не хотят общаться. Я, наверное, одинока, и, хотя, многого не понимаю, но одинокой быть не хочу. Я надеюсь и верю, что там, в будущем, у меня всё будет хорошо. Но иногда всё же унываю.

– Я понимаю тебя, Наташа. – Ему было бесконечно её жалко. Она повзрослеет и поймёт, что зря так страдала в детстве, что прожить можно и одной, а одиночество не так уж и страшно. И всё у неё обязательно будет хорошо. Это вот ему ждаться уже нечего...

II

Через несколько дней Ишмак встал рано утром. И как всегда Ирина Григорьевна была уже на ногах – готовила, мыла, что-то стирала. Когда он пришёл на кухню, завтрак – большая тарелка каши, хлеб и молоко, уже ждали его на столе. И только он принялся за еду, как вдруг услышал стук в дверь. Ирина Григорьевна пробормотала: «Наверное, соседи» и кинулась открывать. Потом Ишмак услышал голоса, и громкий и, как показалось ему, испуганный – Ирины Григорьевны. Он встал и направился к ней. Может быть он, конечно, и не нужен, но всё-таки лучше подойти узнать, в чём дело. Он уже не раз выпроваживал незваных гостей, нагло пытавшихся в это смутное время найти здесь приют. Но, подойдя к двери, Ишмак увидел рядом с Ириной Григорьевной юношу очень похожего на Арсения. Ему даже на секунду показалось, что это сам Арсений стоит в дверях, живой и невредимый. А мгновением позже Ишмак догадался, что это, наверное, Женя, брат Наташи.

А юноша отвернулся от матери и вдруг увидел Ишмака. Вопросительно посмотрев на него, он повернулся к матери.

– Женя, это Ишмак, наш друг.

– Ишмак – это Женя, мой сын. – Ирина Григорьевна познакомила их, даже не подозревая, какая буря за этим последует.

– Ишмак! – Воскликнул Женя. – Предатель, из-за которого погиб отец. Мам, как ты могла?

Ирина Григорьевна говорила что-то в оправдание Ишмака, Женя не верил. Он положил руку на рукоять меча и приказал Ишмаку следовать за ним. Сегодня с ним не могла справиться даже мать. Ишмак видел, что она побаивалась своего сына, а точнее той его части, которая напоминала ей горячую кровь отца, его смелость, быстроту, вспыльчивость, гордость, которые в Арсении, однако, соединялись с мужеством прожитых лет и которые он умел сдерживать, как бы тяжело ему не было. И, порой, видя его, ещё по-детски вспыльчивого, с душой, умевшей долго ненавидеть и раз и навсегда любить, Ирина Григорьевна с тревогой думала о будущем сына, направляя его и мудро стараясь не мешать. Но сейчас все её разговоры были напрасны. И она беспомощно стояла и смотрела на Женю и Ишмака, а рядом с ней за рукав испуганно цеплялась Наташа. И обе они с напряжением и со страхом ждали окончания этой встречи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.